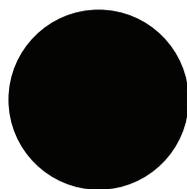

Илья Рудяк

Чемодан

Михоэлса

СССР

АПРЕЛЕВСКИЙ ЗАВОД

ГОСТ 5289-56
9936

Вторая гр.
3-00

ДУЭТ БЕНИАМИНА и СЕНДЕРЛ В КОРЧМЕ
из пьесы «Путешествие Бенямина Ш»
по Менделе Мойхерсформ, инсц.
И. Добрушина, муз. Л. Пульвера (оконч.)
С. М. МИХОЗЛС и В. Л. ЗУСКИН
Орк. Моск. Гос. Еврейск. т-ра
под упр.
Л. М. Пульвера

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

УПРАВЛЕНИЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ленинградский совнархоз

ГОСТ 5289-56
5416

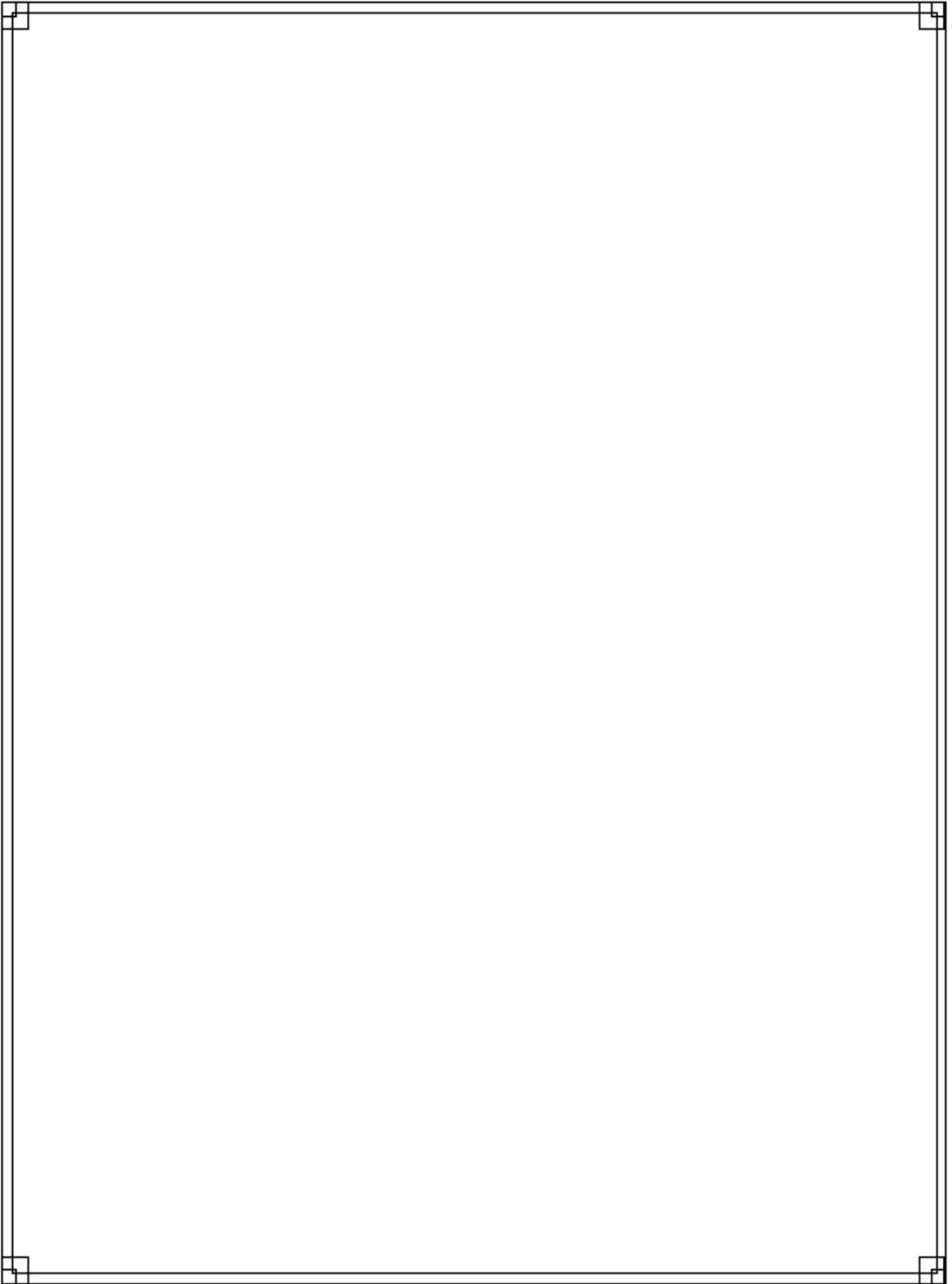

вторая гр
3-00

а) Нит Шимеле
б) Песня без слов
из льесы „200.000“
по Шолом-Алейхему
муз. Л. Пульвера
С. М. Михоэлс
Оркестр под упр.
Л. М. Пульвера

С. Михоэлс. Фото М. Наппельбаума

Фотографии на обложках - Аркадий Львов
Обложка и замысел оформления - автор
Компьютерный набор и верстка - С. Халабуда и Д. Халабуда

Все права охраняются законом.
Copyright © 2007 Collaborative Spirit. All rights reserved .

Четырнадцатого января сорок восьмого года мне исполнилось девять лет. В этот день я впервые услышал имя Михоэлса. Мама плакала и шептала: “Они убили, убили его!”. Тогда я еще не понимал, что для нас, переживших недавно оккупацию, случайно выживших, значит это трагическое событие...

...а когда мне было лет одиннадцать-двенадцать, я услышал впервые и голос Михоэлса. У тети Сарры “ди Квосныцы” - она торговала мочеными яблоками - уцелел довоенный патефон с коробочкой иголок. Были у нее и несколько пластинок Апрелевского завода. Одна, которую мы с двоюродными братьями заездили “до хрипоты”, до шипа, называлась “Песня про Щорса”. Вслед за хором мы подпевали:

Чьи вы, братцы, будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?

...из песен слов не выбросишь..

...другой черный круг с красной этикеткой гласил:

“Дуэт Вениамина и Сендерл в корчме. Из пьесы “Путешествие Вениамина Третьего”
по Менделе Мойхер Сфориму .

Исполнители: С.М. Михоэлс и В.Л. Зускин.

Гос. еврейский т-р”

Два человека разговаривали и пели на идиш, на языке, нам знакомом с пеленок. И то, что это звучало с пластинки наряду с русской речью, наполняло нас гордостью.

А если бы мы тогда еще и знали, что верную боевую подругу, жену, командарма Николая Шорса звали Фрумой Давыдоиной...

Я уже тогда сам мечтал стать актером.

Сама Фаина Ушеровна, учительница русской литературы, прочила мне успех на этом поприще: я читал громко, активно, с выражением!!!

“Вот разбогатею, (а все актеры,- наивно представлял себе я, - люди богатые) и приеду в Джурин, и первое, что сделаю, - уплачу кровельщику Нояху, чтобы он починил крышу домика дедушки Хаима, построю новую библиотеку в местечке вместо старой развалюхи, раздам деньги всем моим родственникам, а папу и маму просто озолочу...”

Я пришел впоследствии на сцену, богатым не сделался, но к тому времени ушли из жизни и бабушка Лея, и дедушка Хаим, и моя мама, и тетя Фейга, и я приезжал на похороны, на кейверувыс....

...перенесемся на семнадцать лет вперед.

Я, начинающий режиссер, в гостях у вдовы Соломона Михайловича, Анастасии Павловны Потоцкой-Михоэлс.

Маленькая, затемненная спальня, служащая и гостиной, и кабинетом, и столовой. На старом, выдавшем виды шифоньере - бронзовый бюст Великого Актера, и рядом - два куска переломанной палки.

- Они сначала убили его выстрелом в затылок, а потом переехали мертвое тело колесами машины, чтобы сочинить версию о несчастном случае, по указке Сталина.

Она налила себе в небольшую рюмочку водки из графина, в котором выращен был какой-то ароматный гриб.

- Соломон Михайлыча анатомировал академик Збарский. Я спросила Бориса Ильича: “Он долго мучился перед смертью?” “Нет, - ответил тот, - в его зажатом кулаке был ворс от шинели. Он пытался бороться с человеком, который оказался перед ним, а другой, стоявший за его спиной, - выстрелил. Смерть наступила мгновенно...”

..руки Михоэлса... У него были сильные пальцы. Он легко разламывал ими рафинад, когда пил чай вприкуску.

Каждому персонажу на сцене он находил выразительный, запоминающийся жест. Последним жестом его пальцев было сопротивление.

В театре на Малой Бронной на сцене стоял гроб с телом Михоэлса. Его лицо было в ссадинах и подтеках, которые не смог скрыть даже грим.

Загримированный актер на смертном одре...

Был на редкость холодный день. Люди долго стояли в очереди, чтобы попасть в зал. Существует легенда, что на крышу дома напротив театра забрался человек со скрипкой и играл траурные еврейские мелодии.

Может, отсюда и появился “Скрипач на крыше”?

У Шолом-Алейхема такого названия нет. Это ближе образам Шагала. Они дружили. Шagal, написав декорации к “Менахем Мендлу” и готовя эскизы костюмов, сказал Михоэлсу: “Ты знаешь, Шлойме, тебе надо было бы залепить твои ойгн, а на лбу нарисовать только один большой глаз!”.

Марк Захарович прислал телеграмму соболезнования. Приехать ему бы не разрешили.

- А когда он через много лет, позже, - рассказывала Анастасия Павловна, - прибыл все-таки в Москву, и я с немалыми трудностями добилась встречи с ним в гостинице, он обнял меня, но говорил шепотом и показывал на люстру в потолке...

...в родной Витебск его тогда тоже не пустили.

Во всякий мой приезд в Москву я посещал Анастасию Павловну или, как остроумно переименовал ее имя Ираклий Андронников, - Анастезию Павловну.

Мы обязательно ездили в крематорий Донского монастыря, где покоится прах Михоэлса (покойно ли ему там?) и молча стояли у памятника с печальной бронзовой головой Актера.

Как-то Анастасия Павловна пригласила меня сопровождать ее в Центральный дом литераторов. Там она должна была встретиться с Константином Симоновым по поводу издания переработанной и дополненной книги воспоминаний о Михоэлсе. Требовались его, Симонова помощь, его авторитетное слово. Он был холодно вежлив. Держал в руке погасшую трубку, напоминая мне этим, да и восточным обликом тоже, Иосифа Виссарионовича. Выслушав перечень имен и бегло полистав рукопись, коротко сказал:

- Думаю, что еще не настало время.

К семидесятипятилетию Михоэлса - оно выпало уже на "оттепельное время" - я попытался организовать в Одессе "Вечер памяти".

Дом творчества на Гоголя, 2, где размещалась театральнo-нотная библиотека, предоставил зал. Я обошел всех оставшихся в живых еврейских писателей и актеров, знавших, друживших с Михоэлсом. Некоторые из них не так давно вернулись из лагерей. Когда я предлагал им выступить с воспоминаниями, они не верили ушам своим. и... отказывались. Срабатывал синдром страха.

Вечер состоялся.

Все кресла заняты. Люди стоят в проходах, в коридоре, на мраморной лестнице, двери из зала настежь открыты.

Ирма Друкер – автор романа "Клезмер" о еврейских музыкантах, сын известного кантора из Чернобыля, прикованный к постели после инфаркта, написал великолепное "Слово о Михоэлсе", которое я зачитал, а знаменитый режиссер Одесского украинского театра, единственный в городе Народный артист СССР, седовласый, высокий, красивый Василь Степанович Василько около часа рассказывал о "еврейском брате по театру" - Соломоне Михайловиче Михоэлсе.

Я нашел в кинопрокате копию фильма "Цирк", где Михоэлс исполнял крошечную роль поющего на еврейском языке "Колыбельную" заснувшему негритенку. После борьбы с "безродными космополитами" этот эпизод вырезали.

Что творилось в зале - трудно передать. Это был триумф возвращения Актера к публике.

Михоэлс, на первый взгляд, был уродлив: невысокого роста, лысый, с оттопыренной нижней губой, - но стоило ему заговорить, и он становился прекрасным.

Его тянуло к красивым женщинам. Красавицы отличали и его среди других.

Я показывал в Бостоне слайд-шоу “Триумф и трагедия Соломона Михоэлса”. После представления ко мне подошла весьма приятная дама лет семидесяти с явными чертами былой красоты. В руках она держала старый конверт. “Что-то связанное с Михоэлсом“, – подумал я и не ошибся. Она вынула фотографию. На обороте я узнал знакомый почерк Соломона Михайловича.

До полуночи мы разговаривали о театре, о судьбе, “о странностях любви”.

Вот ее рассказ вкратце.

“Летом, в тридцать девятом, ГОСЕТ гастролировал в Ленинграде. Среди друзей и знакомых только и слышно было: “Король Лир – Михоэлс!” Я родилась в еврейской семье, но языка идиш не знала. Я готовилась к госэкзаменам в университете, но все же решила пойти в театр. Перед спектаклем перечитала пьесу.

С первого появления Лира-Михоэлса до последней сцены, когда он умирает рядом с Корделией, я была зачарована. Рыдала, не стесняясь.

Буквально через день я должна была быть в Москве на свадьбе у кузена. Этим же поездом отбывал в столицу и Еврейский театр. У меня было место в плацкартном вагоне. Три других в купе занимали актеры. Неожиданно туда заглянул Михоэлс.

Он посмотрел на меня, и я покраснела. Не успела опомниться, как уже сидела в вагон-ресторане среди актерской братии, рядом с Михоэлсом. Он был в ударе. Он играл новый спектакль для меня одной. Я это понимала. Когда закрыли ресторан, мы перекочевали в спальный вагон. Некто Мечик или Чечик, секретарь Михоэлса, перенес мой чемоданчик за мной, и пир продолжился. Это была незабываемая ночь...”

Он играл Уриэля Акосту, мечтал о Гамлете, а короля Лира представил без традиционной бороды. И как сыграл! Прославленный английский интрепретатор Шекспира, Гордон Крег, после просмотра “Короля Лира” в Государственном Еврейском Театре в Москве признался, что на его родине такого актера нет.

Ирма Друкер гостил в Москве. В Одессу он возвращался вместе с Михоэлсом.

Того пригласили на открытие памятника на могиле “Мендэлэ Мойхер Сфориму”.

Дорога предстояла длинная. Времени хоть отбавляй. Соломон Михайлович предложил писателю, знатоку еврейской народной музыки, посоревноваться в знании популярных нигнс. Автор романа “Клезмерс” делал зачин, актер подхватывал и заканчивали песню вместе. Мелькали станции, города, деревни а певцы были неутомимы.

В спектакле “Фрейлехс” Михоэлс использовал это.

Остроумие, самоирония были его неизменными качествами. Одна шутка дала мне повод написать эпиграмму:

Мудрец Михоэлс - еврейский бард,
 Сохраняя перед зеркалом дистанцию:
 “Этот пунэм надо сдать в ломбард
 И навеки потерять квитанцию”.

Пунэм, по-русски, - лицо. .

Когда я сказал папе, что познакомился с вдовой Михоэлса, Анастасией Павловной Потоцкой, он сразу спросил:

-Из тех Потоцких?

-Да, папа.

-Так она - польская паненка?

-Скорее – русская еврейка.

Он был смущен. Я огорчил бы его, если бы добавил, что и у Бабеля Исаака Эммануиловича вторая жена была русская женщина, и внук Менделе Мойхер Сфорима, жившего у нас в Одессе, женат был на украинке, но они, все эти “гойки”, были достойны своих мужчин.

Второй вопрос папы:

- Михоэлс был знаком с Шолом-Алейхемом?

Я сопоставил годы жизни обоих и подумал, что вероятность встречи могла быть. Шолом-Алейхем проживал еще в Киеве, когда Шломо Вовси был студентом тамошнего коммерческого института, куда евреям был доступ.

А вот на могиле любимого писателя в Нью-Йорке в 1943 году Михоэлс побывал.

Мой дорогой, мой добрый папа Эзра! Он читал для меня на идише “Мальчика Мотла” и я гордился им еще больше прежнего. Он высоко ценил Шолом-Алейхема, но считал, что тот был “а лэц” – насмешник.

А когда мы стояли на Красноармейской улице в Киеве перед разбитой в который раз мемориальной доской “В цьому будинку проживав єврейський письменник Шолом – Алейхем ...”, я заметил слезу на щеке у папы.

... Михоэлс часто повторял: “Евреи - народ книги”. Он сам был книжником во плоти. Любил книгу, знал толк в ней, много читал, но не был собирателем. Он всегда находил нужную ему книгу для работы, для подтверждения мыслей, для цитирования.

Зная, что я собираю “Пушкиниану”, Анастасия Павловна сняла однажды с полки тоненькую желтую книжечку. Я узнал ее по переплету художника А.Кравченко – “Египетские ночи”. Ее подарила Соломону Михайловичу Вера Яковлевна Тарасова, тоже художник, создавшая десяток офортов с изображением актера в спектаклях “Король

Лир” и “Путешествие Вениамина Третьего”.

Этот вдвойне драгоценнейший подарок стоит у меня в обновленной Чикагской “Пушкиниане”.

Из рассказов Анастасии Павловны:

... любимая мысль Михоэлса: “Человек рождается сразу богатым или бедным. Старшим или младшим.” Имел он ввиду, конечно, душевные качества и ответственность перед людьми... Лично он был и богатым, и старшим. Хотя появился на свет... неожиданным. Его брат близнец уже полчаса заявлял своим криком, что он есть, и счастливая мать не подозревала, что ее второй сын замешкался немного, да и кроватьку подготовили на одного...

...впоследствии Михоэлс относился к бытовым неудобствам совершенно спокойно...

Отец мечтал видеть его врачом или адвокатом, веря, что и тот, и другой спасают человеку жизнь.

Шлойме Вовси выбрал неизвестный, нелегкий, тернистый путь актера. Вот тогда он и взял себе псевдоним Михоэлс - сын Михоэла.

Его двоюродный брат тоже стал профессиональным актером и остался на своей фамилии. По этому поводу в Москве ходила шутка: “Этот Вовси не Михоэлс.”

...богатый и старший. В день получки заработной платы Михоэлса уже поджидали возле театра “нуждающиеся в поддержке”. Он никогда не отказывал, если деньги были у него самого. Когда они кончались, он вывешивал на дверях кабинета старые брюки с вывернутыми карманами.

Часто сам просил в долг “трешку”.

Много курил.

Когда его пригласил к себе в фотоателье Моисей Соломонович Наппельбаум, он запасся папиросами, зная, что знаменитый Мастер долго ищет нужный ракурс, усаживая в легендарное кресло объект своего внимания. Кресло, в котором сидели и Станиславский, и Мейерхольд, и Качалов, и Козловский, и Ойстрах, и Ахматова, и Пастернак, и Шостакович...не хватило бы и тетрадки, чтобы перечислить актеров, писателей, поэтов, композиторов, художников, кто не облакачивался на те подлокотники с львиными головами.

Актер разговаривал с возвышающимся над ним фотографом на мамелосн, на великолепном идише, с хохмами, с притчами, с изречениями, как умел Михоэлс.

Но что-то не получалось с позой, с говорящими руками, пока Соломон Михайлович не попросил разрешения закурить. И то, как он доставал пачку из кармана брюк, и то, как

вынимал из нее сигарету, как прикуривал, как держал ее между пальцами, как “смачно” затягивался и выпускал дым, не ускользнуло от опытного глаза Мастера и вмиг решило композицию портрета.

- Жаль, что вы не курите, Моисей Соломонович, а то мы бы до ночи разыгрывали пьесу “О пользе табака в искусстве фотографии”, - пошутил актер.

Тост Соломона Михайловича, обращенный к академику П.Л.Капице: “Пожалуйста, создавайте тяжелую воду, переводите жидкость в газ, в твердое тело, во что хотите, только оставьте нам нормальными спиртные напитки!”

В компании Ивана Москвина, двух графов, двух Алексеев - Толстого и Игнатьева - , Василия Качалова, Валерия Чкалова, Ивана Козловского, Соломон Мудрый, как они его величали, не уступал им ни по таланту, ни по знанию русского языка, ни по части... выпивки.

В ответ на восклицание Фаины Гигорьевны Раневской: “Соломон Михайлович! В вас сидит бог!” - Михоэлс, улыбаясь, ответил: “Фаиночка, дорогая! Если во мне и сидит бог, то, очевидно, потому, что он находится в ссылке”.

... Актеры после спектакля любили дружной ватагой ввалиться поздним вечером в какой-нибудь ресторанчик. Соломон Михайлович прежде, чем войти в помещение, открывал с лацкана пиджака орден Ленина и говорил при этом: “Снимем цацу”.

... с этим орденом связана необычная история. Когда умер Литвинов (настоящая фамилия его была такой же еврейской и редкой: Волох), дома вдруг обнаружили, что пропал орден Ленина, которым был награжден бывший министр иностранных дел. Жена Максим Максимыча прислала кого-то из близких, чтоб одолжить у нас “Ленина” на время похорон. И вот на процессии от Дома Союзов до кладбища несли на красной бархатной подушечке орден, принадлежавший Михоэлсу.

... Однажды в Георгиевском зале Кремля после концерта на правительственном приеме вдруг возникла пауза. Ждали появления Сталина. Прошла минута, две, три. Вождь не спешил появляться. Стояла грозная, удручающая тишина... Михоэлс заложил два пальца в рот и по-разбойничьи свистнул.

Вошел Иосиф Виссарионович. Вспыхнула овация. Все вскочили и, не жалея ладоней, долго аплодировали.

И Михоэлс вместе со всеми.

Похулиганить было в его характере, но похоже это и на легенду.

...В страшное время террора, ложась спать, он клал под подушку пистолет. “Асенька,

ты меня поймешь и девочкам сумеешь объяснить.”

Но Россию он любил. Был ее патриотом.

В сорок третьем Сталин отправил его и Ицика Фефера, поэта и одновременно осведомителя, как утверждают многие, в поездку на Запад для сбора средств в пользу Красной Армии.

Михоэлса встречали тысячные толпы евреев.

В Нью-Йорке с импровизированной деревянной трибуны он произнес зажигательную речь. Люди хлынули к нему поближе, трибуна не выдержала напора, и Михоэлс с мэром Ла Гвардиа, еврейским эмигрантом из Италии, упали с нее. Михоэлс повредил ногу. Ее взяли в гипс. Впервые за долгие годы он целую неделю провел в госпитале и ... отдохнул.

...в Америке он встречался с Эйнштейном, Чаплиным, старым другом Марком Шагалом, его дочерью... Полем Робсоном...

В кожевенном магазине произошла любопытная сценка. Михоэлс искал вместительный чемодан на обратную дорогу. Когда хозяин, старый одессит, узнал, что перед ним еврейской актер из Москвы, говорящий на таком красивом, чистом, выразительном мамелушн, он позвал своего внука Игоря и попросил найти самый лучший чемодан для именитого гостя.

Внук узнал Михоэлса по портретам в газетах и предложил артисту, что сам занесет чемодан в отель завтра утром.

Что и выполнил. На коже, возле ручки с замком, было вытеснено:

To M. Mikhoels
From Igor. U.S.A.
1943

Возвратился Соломон Михайлович в Россию с чемоданом, в котором были упакованы две шикарные мужские шубы - подарок Сталину и Молотову от меховщиков Бруклина.

Сталин шубу принять отказался. Молотов взял. Потом она, кажется, вышла ему боком: “Хозяин” не забывал такие вещи.

Уже после убийства Михоэлса, после разгрома Еврейского антифашистского комитета, после закрытия ГОСЕТа, после “дела врачей”, где фигурировало имя Михоэлса как “сиониста и пособника империализма”, на квартире вдовы “врага народа” провели обыск. Перевернули, как обычно, все вверх дном, забрали мешок бумаг - и с концами.

Чемодан, заброшенный на антресоли, не тронули.

Мне трудно было сообщить Анастасии Павловне, что я с семьей собираюсь в Америку. Она не была поклонницей эмиграции. Намеки я делал, да и она как будто догадывалась, но впрямую разговора об этом не было.

Она жила на Ленинском проспекте недалеко от магазина “1000 мелочей”. Я как-то пожаловался ей, что хотел там какой-нибудь чемодан купить, оказывается, это “дефисит”, как говаривал Райкин.

И я получил в подарок чемодан Михоэlsa.

Чемодан этот проделал путь в Одессу. Из Одессы - в Вену, из Вены - в Рим. А когда мы летели на “Боинге” в Нью-Йорк, а из Нью-Йорка в Чикаго, в багаж я его ни под какими доводами не сдавал.

Я открывал его и показывал содержимое: там были одни фотографии, и среди них - немало изображений Соломона Михайловича Михоэlsa.

Р.С. В Чикаго Михоэls прибыл в июле 1943 года на поезде. Нога была еще в гипсе, и опирался он на костыли. К нему приставили медсестру, знающую русский.

Как-то после моего представления “Прощание с местечком” в Джуиш коммюнити центре ко мне подошла милая старушенция и на старомодном русском, с акцентом рассказала, что она, Сонечка Скульски, ухаживала за Михоэlsом, когда он...

..вскоре я был у нее дома на Лейк Шор драйве и увидел фотографию Михоэlsa, подаренную ей актером, с очень нежной надписью...

ИЗ СНОВ О МИХОЭЛСЕ.

Июль 1980.

По шоссе главной артерии местечка двигается группа актеров театра, во главе с Михоэлсом в гриме Менахем-Мендла. Они идут к речке.

Там будет сниматься эпизод из “Еврейского счастья”. Грановский и оператор уже ждут их.

Спрашиваю Соломона Михайловича:

- Вы умеете плавать?

- Я умею, но умеет ли Менахем-Мендл? Надо подумать.

Показываю свою “образованщину”:

- По системе Станиславского о герое надо знать все.

- Как вы думаете, ингермон, Константин Сергеевич знает лучше меня, что такое “черта оседлости”?

Седобородый “молодой человек”, которому недавно стукнуло шестьдесят пять, пристыженный, замолчал

19 сентября 1980.

Михоэлс репетирует в джуринском клубе с актерами ГОСЕТа какой-то кусок из незнакомой мне пьесы. Сочный идиш ласкает слух. Соломон Михайлович показывает как нужно и как не нужно играть. Поминутно вбегает по невысокой лесенке из зала на сцену и до хрипоты повторяет реплику знакомому актеру: “Вифл кен мен, дос эйгене зогн дир!” (Сколько раз надо тебе одно и то же повторять!). Ну, конечно, это Ноях!

Но Ноях молодой. Подхожу к сидящему на стуле “сердитому” режиссеру:

- С.М., я сбегая домой и принесу вам горячего чайку мит лейкех, вчера была свадьба у Цирюльников.

- Спасибо, майн фрайнд, а погорячее чтонибудь найдется?

- Конечно.

Водки дома нет. Бегу в буфет к Фруме Бронштейн. Говорю для кого. Она достает чекушку и круг свежей кровяной колбасы.

- Еще одну маленькую.

Оставляю десятидолларовую купюру. Думаю, так бы это стоило в Чикаго, в “Каштане”. Выхожу на Пролетарский бульвар. Из дверей киностудии выбегает Олег Школьник в одежде конармейца:

- Илья Эзрович, вас ждут все, мы не можем начать спектакль.

Стою с чекушками в руках и с завернутой в газету колбасой.

Куда делся Михоэлс, местечко, клуб...

Январь 1981.

Мы получили визу. Я приехал в Джурин на кейверувыс. Иду по утопанной снежной дорожке с чемоданом, который подарила мне Анастасия Павловна. Навстречу - в валенках с галошами, Мейлах Дорман.

- Хорошо, что ты приехал. У нас не хватает для миньина одного мужчины.

- А синагога разве открыта?

- Нет. Мы молимся в доме Мотла Серебрянника.
- Куда делись книги?
- У него же, на чердаке.

“Полакомлюсь”, – подумал.

Заходим. Восемь человек в талесах и твилим ждут нас. Среди них - до боли знакомый персонаж. Ну, конечно, это – Тевье дер милхикер.

Произнося “Кадиш”, я все время поглядываю на него. Он совершенно не замечает этого и поставленным голосом выпевает каждое слово молитвы.

Меня тревожит простата. Я хорошо помню, где у дяди Мотла отхожее место, и выхожу в темный сарайчик.

Когда, облегченный, возвращаюсь, кроме Тевье, никого больше нет.

Тевье снимает кашкет с головы. Стягивает парик, Отклеивает усы и бороду.

- Соломон Михайлович! - обрадованно кричу я.

Он направил взгляд на чемодан в углу.

- Шуба там есть?

Я хотел сказать, что “после вашего убийства...” - и запнулся.

- Пойдем афн бойдем. Наберем сфорим в чемодан – он вместительный.

Мы вышли в морозную темную ночь.

Ни одного огонька в домах. На душе тревожно.

Слышен шум приближающегося грузовика...

5 декабря.

Михоэлс живет у нас в маленькой спаленке. Он простужен. Мама ему налила в медный таз горячую воду и разбавила горчичным порошком.

Он сидит на деревянной скамейке, леймен дер рыбэ, – возле печки.

Пробует ступнями ног воду. Кряхтит. Я приношу кастрюлю холодной воды. Тонкой струей лью в таз. Он благодарно кивает головой.

Смотрит на покрасневшие пальцы. Рассуждает вслух:

- У человека два глаза. Кто-то обходится и одним. Десять пальцев на руках - весьма удобно. Десять на ногах, возможно – многовато. И всего один шмекале – несправедливо.

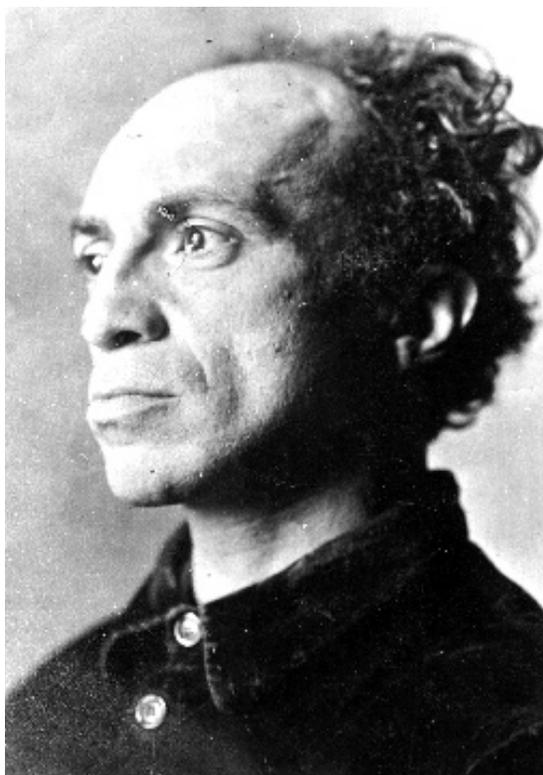
Я рассмеялся. Хорошо, что мама не слышала это.

Но подожди, мама ведь умерла.

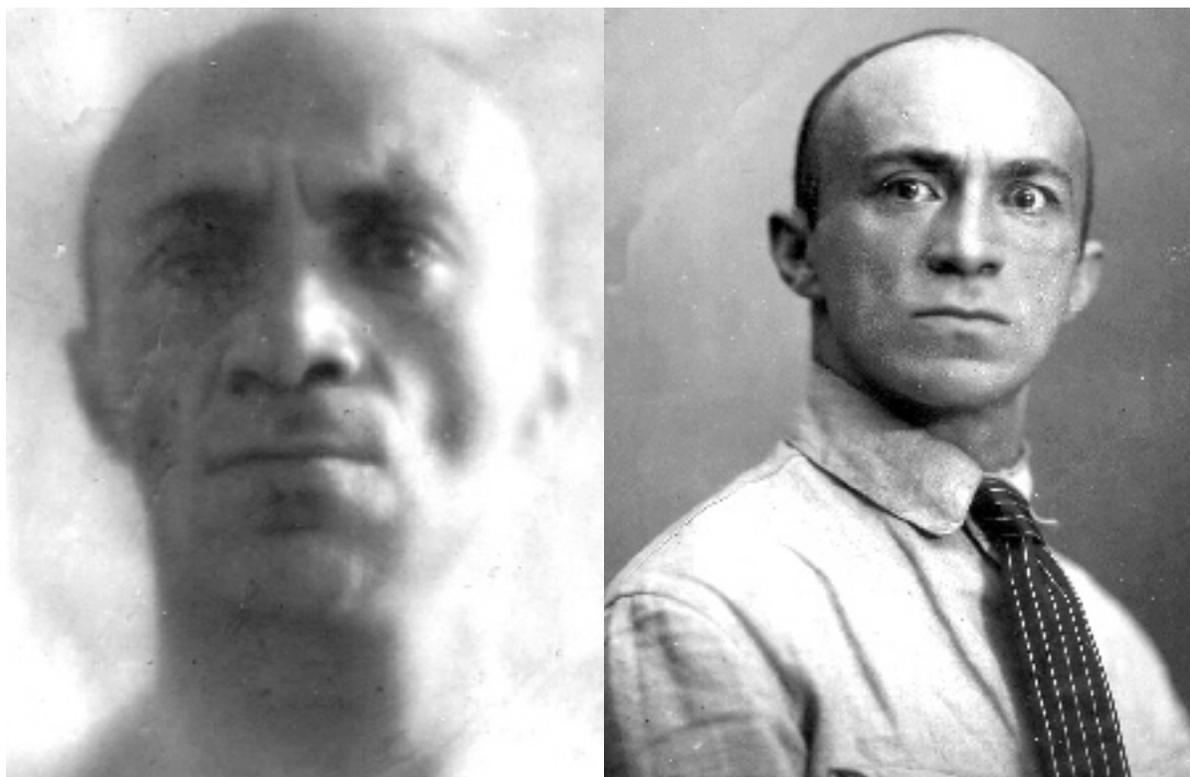
Просыпаюсь.

1890 - родился в г. Двинске.
1911 - комерч. и-т, г. Киев.
1915 - юрфак у-та, г. Петроград.
1918 - еврейская театральная
студия А. Грановского.

С. Михоэлс в начале 20-х годов

Середина 20-х годов

Сарра Кантор (1900-1932). Первая жена
С. Михоэlsa

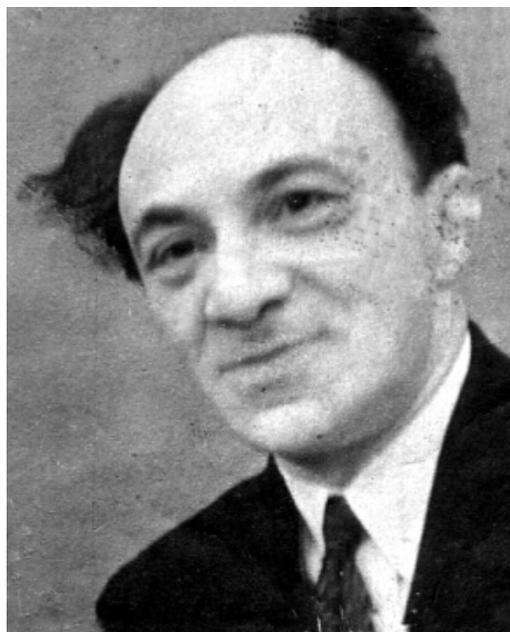

Конец 20-х годов.

30-е годы.
Знакомство и женитьба на
Анастасии Павловне Потоцкой.

Вечер посвященный 50 летию Чарлза Чаплина.
Ведущий - Соломон Михоэлс.

40-е годы

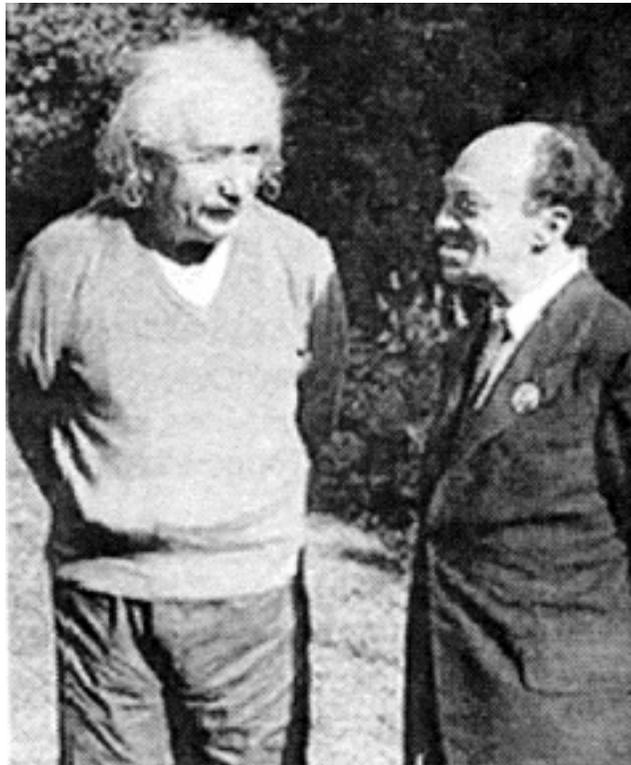
На заседании Еврейского-антифашистского комитета. Москва 1941 г.

В Нью-Йорке
у могилы
Шолом-
Алейхима.
1943.

Встреча с
Альбертом
Энштейном.
Принстон,
1943.

Встреча с
Марком и
Бэллой Шагал.
Нью-Йорк,
1943.

Фотография на
выездную визу.

С. Михоэлс и И. Фефер в Великобритании. 1943.

Встреча с Полем Робсоном. Нью-Йорк, 1943.

Зарисовки с натуры Михаэlsa американским художником Рувеном Клейном и его комментарии к ним на идише. Сан-Франциско, 1943.

Все же вы
остаетесь
оптимистом.

Я знаю
о вашем
геройстве.

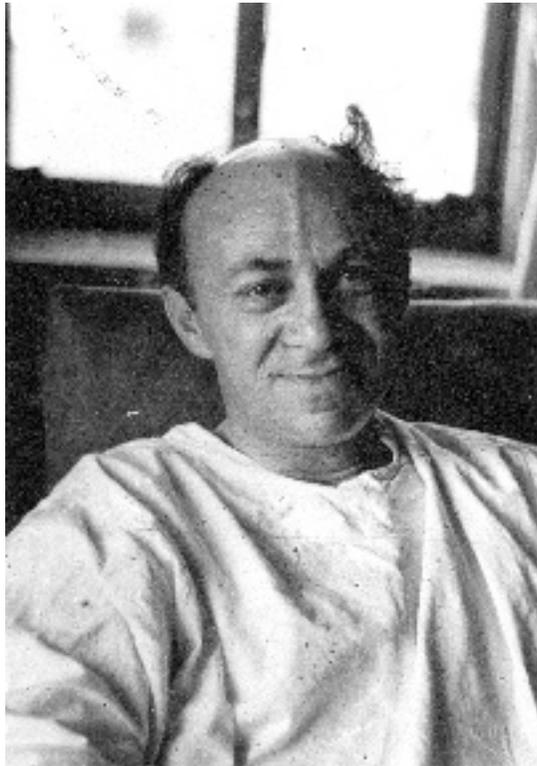
Вы король!
Вам нравится
мой радушный
прием.

Не ужели так
печальны дела
еврейского
театра.

“Мое типичное
еврейское
лицо, когда
я позирую,
становится
красивее.”

В знак дружбы. Август, 1943
Сан-Франциско.

На многотысячном митинге в Нью-Йорке трибуна, на которой находились Михоэлс и мэр Нью-Йорка Ла Гвардия, обрушилась. Михоэлс поломал ногу, и его поместили в госпиталь. Это были редкие дни отдыха в его жизни.

В руках гениального
актера костыли
превратились в “смычок
и виолончель”.

Последняя фотография Михоэля за день до убийства. 11 января 1948, г. Минск

Бюст работы скульптора Д. Гликмана.

Спектакли и роли

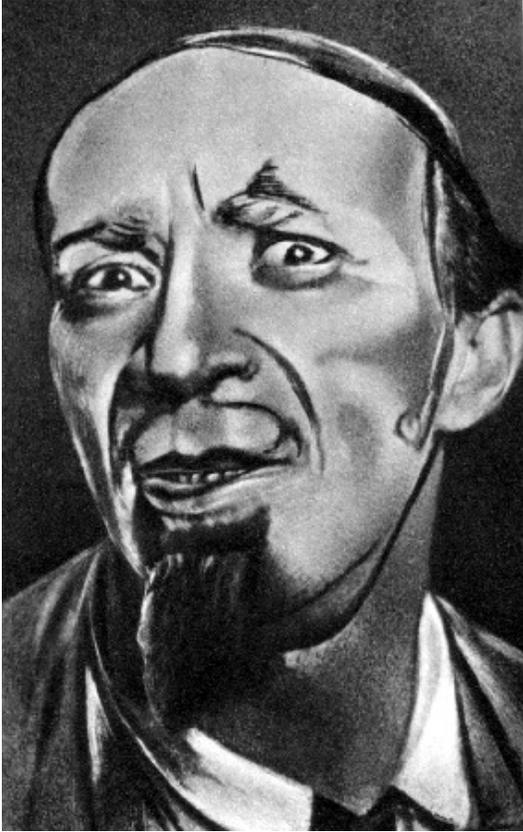

Вечер Шолом-Алейхема. Оформление М. Шагала
“Мазлтов” - Реб Алтер.

Шагал: “Соломон, если бы тебе на лбу нарисовать только один глаз, а твои прикрыть черной повязкой, это был бы точный образ ребе Алтера.”

Спектакли и роли

В этом доме, в местечке Старо-Константинов родился Гольдфаден.

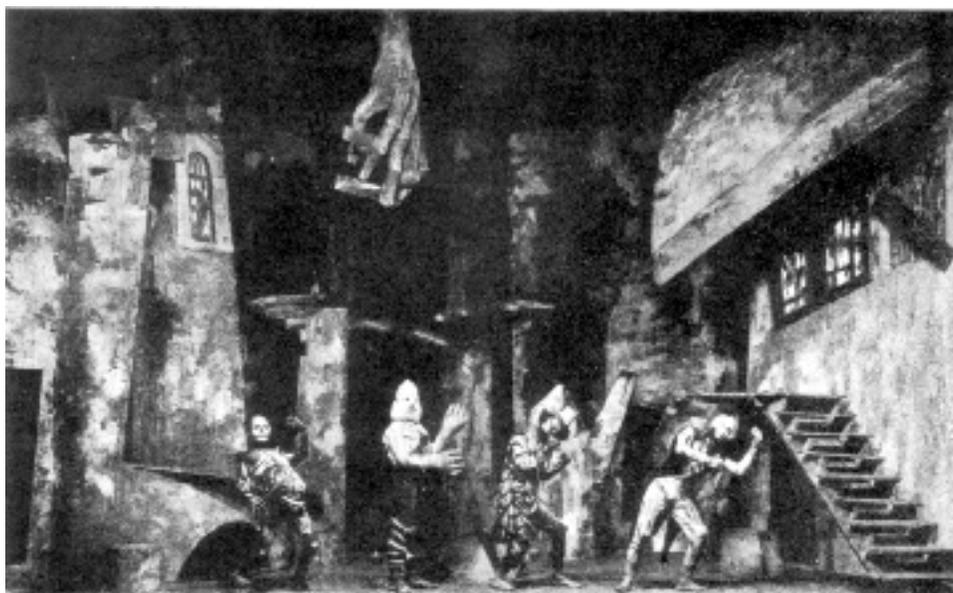

“Колдунья” по А. Гольдфадену.
Режиссер - А. Грановский.
Художник - И. Рабинович
Гоцмах - С. Михоэлс.

“Ночь на старом рынке” по И.-Л. Перцу - Первый бадхен.

Спектакли и роли

“Ночь на старом рынке”

Сцены из спектакля. Художник Р. Фальк.

Спектакль “200,000” по Шолом-Алейхему
Шимелэ Сорокер - С. Михоэлс

Спектакли и роли

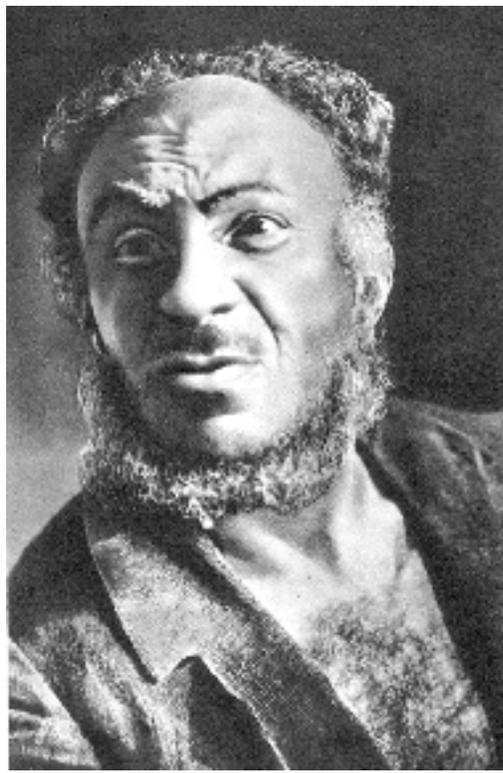
“Человек воздуха” по Шолом-Алейхему. 1928.

Менахем Мендл - С. Михоэлс

“Агенты” по Шолом-Алейхему. 1921. Якногос.

“Миллионер, Дантист и бедняк” по Э. Лабичу.
Дантист.

“Глухой” по Д. Бергельсону. Глухой.

Спектакли и роли

Спектакль “Путешествие
Вениамина III” по
Менделе Мойхер-Сфориму.
1927.

Вениамин - С. Михоэлс
Сендерл - В. Зускин

“Король Лир” В. Шекспира.

Лир - С. Михоэлс.

Спектакли и роли

Лир - С. Михоэлс.
Шут - В. Зускин.

Сцена из спектакля.

Спектакли и роли

Спектакль “Тевье - молочник”
по Шолом-Алейхему. 1938.
Тевье - С. Михоэлс
Голда - Л. Ром

“Мера строгости” Д. Бергельсона. Режиссер - С. Михоэлс. 1933.

Михоэлс в кино.

“Еврейское счастье” - Менахем Мендл В роли невесты - Т. Адельгейм.
Режиссеры - А. Грановский и Г. Гринчер-
Чериквер. 1925.

“Возвращение Натана Бекера”
1932. Сценарий П. Маркиша.
Режиссер - Б. Шипс.
Натан - С. Михоэлс.

Михоэлс в кино.

“Семья Оппенгейм” по роману Фейхтвангеру, реж. Г. Рошаль. 1938.

Когда Михоэлс вывешивал штаны с вывернутыми карманами - это означало:
“Извините, сегодня ничем помочь не могу - сам без денег.”

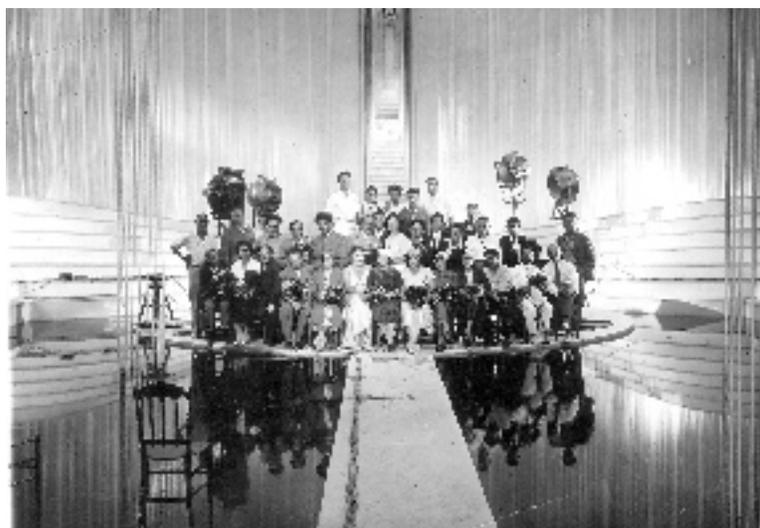

Алексей Грановский (Азарх).

С. Михоэлс-полюемист.

ГОСЕТ на гастролях в Берлине.

Друзья и товарищи Михоэlsa.

Марк Шагал среди актеров
Еврейской студии. Париж
1922.

Михоэлс и актеры
театра в Париже.

С. Михоэлс и В. Зускин.

Друзья и товарищи Михоэlsa.

С. Михоэлс, М. Добрушин, В. Зускин.

П. Маркиш, Д. Бергельсон, И. Харик, С. Михоэлс.

Друзья и товарищи Михоэlsa.

С. Михоэлс с Галиной Сергеевой и Иваном Козловским. С Галиной Улановой.

С Василием Качаловым.

С Самуилом Маршаком и с Петром Кончаловским.

Друзья и товарищи Михоэлса.

С. Михоэлс с И. Козловский

С. Михоэлс с рабочим
сцены у входа в театр.

С. Михоэлс и актеры театра после вручения правительственных наград.
Разговор с М. Калининым “похоже, идет на идише.”

Разговор с самим собой.

Муле хейн, что на идише - “само обаяние”.

Всегда игра

С “цацей” на груди.

Художника Айвазяна

Актера театра Эли Трактовенко

Дружеские шаржи на С. Михоэлса

Художника Игина

Художник не установлен.

М. Гольдблат, актер театра ставший основателем цыганского театра "Ромэн".

Сцена из спектакля "Кармен".

Михоэлс и актеры на отдыхе.

С. Михоэлс в 40-е годы.

На уроке по гриму в Училище при ГОСЕТе.

С. Михоэлс “сердитый” и “ласковый”.

В рабочем кабинете.

С. Михоэкс и скульптор З. Азгур.

Было о чем задуматься.

1932

В. Мухомов

Дорогому Ивану Дзробицу не писать
 с камнем утешительстве, с надеждой
 на дружбу -

12/5 70г.

Анастасия Павловна
 Мухомова - Мухомов

Портрет Михотса, он в роли местечкового еврея, -
 Работа на картоне, Роберта Ралька - рисунок
 Преступней похлебки Дарьяны Звез;
 Пухляк на нем сапог, ограда на лад,
 Остатки след ЖВВЗвездной пухи, а колесо машины
 нахало на лод и виден отпечаток штыка.
 Пылились макароны две - три крохи -
 Купа створки вешние и пухляки тохи.

апрель 2007

Илья Родик

В. Тарасов

С. Михоэлс в роли и в жизни.
Офорты В. Тарасовой.

Бюст С. Михоэlsa скульптора Д. Гликмана.

Дочери С. Михоэlsa: Наталия Соломоновна и Нина Соломоновна - гости актерской гильдии Москвы. Среди них Э. Быстрицкая и П. Винник.

Т Р Т Р
И У А Г
М Ф Е Д
И И Я

СОЛОМОНА
МИХОЭЛСА

кинорассказ о величайшем
актере еврейского театра
ведет режиссер
Илья Рудяк

УПРАВЛЕНИЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ленинградский совнархоз

ГОСТ 5289-58
5416

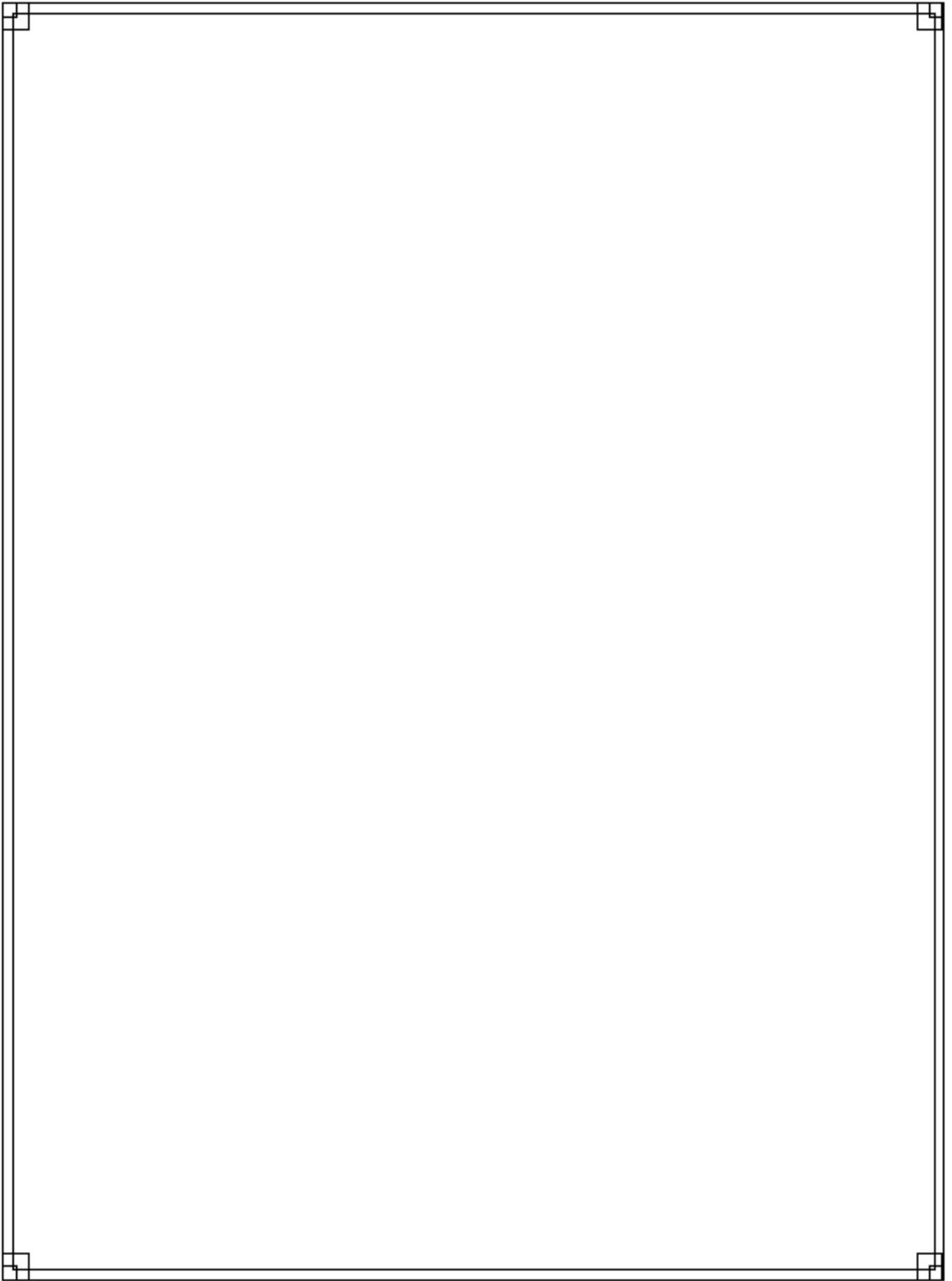

вторая гр
3-00

а) Нит Шимеле
б) Песня без слов
из пьесы „200.000“
по Шолом-Алейхему
муз. Л. Пульвера
С. М. Михозлс
Оркестр под упр.
Л. М. Пульвера

С этим чемоданом, привезенным С.М. Михоэлсом из Америки в 1943 году, автор альбома прибыл 30 апреля 1980 года в Чикаго. Чемодан был весь наполнен фотографиями.

רַבֵּם יִינִין
בְּיָרֵךְ אִישׁוֹתָי
לְיִשְׂרָאֵל
מִתְעַלְלֵת
בְּיָרֵךְ סָאֵרִים
יְיָ אֱלֹהֵינוּ
לְיָרֵךְ יְיָ אֱלֹהֵינוּ
לְיָרֵךְ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

יָרֵךְ יְיָ אֱלֹהֵינוּ
לְיָרֵךְ יְיָ אֱלֹהֵינוּ
לְיָרֵךְ יְיָ אֱלֹהֵינוּ
לְיָרֵךְ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

MEMORIAL SOCIETY OF BOSTON
MENDEL HERSHKOVITZ
U.S. ARMY
1875-1937
BOSTON, MASS.